

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● В СТУДИЯХ ЗВУКОЗАПИСИ

можно записать на пластинку или магнитофонную ленту речь, пение, игру на музыкальных инструментах. Пластинка или кассета с такой записью может служить оригинальным поздравлением к празднику, звуковым письмом, сувениром.

В студиях звукозаписи можно также записать отдельные музыкальные произведения, входящие в состав фонотеки.

Росбытреклама

ОГОНЁК

№ 16

1988

Анатолий ЖИГУЛИН

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

Анатолий ЖИГУЛИН

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Анатолий ЖИГУЛИН

Анатолий Владимирович Жигулин родился в 1930 г. в Воронеже. Впервые выступил в печати со стихами в воронежской периодике (газ. «Коммуна», альм. «Литературный Воронеж») в 1949 г. В том же 1949 году молодой поэт, студент Воронежского лесохозяйственного института, был незаконно репрессирован по ложному обвинению как «враг народа». В заключении работал на строительстве и ремонте железной дороги Тайшет — Братск, затем на лесоповале в районе станции Чуна в Иркутской области, далее на Колыме — шахтером (на рудниках в Бутугычаге и пос. им. Белова).

Полностью реабилитирован в 1956 г. Окончил Воронежский лесотехнический институт (1960), Высшие литературные курсы СП СССР (1965). Первая книжка «Огни моего города» вышла в Воронеже в 1959 г.

Сейчас Анатолий Жигулин автор более 20 книг стихов. Член КПСС с 1963 г., Союза писателей СССР — с 1962 г. С 1963 г. живет в Москве. В последние 10 лет ведет поэтический семинар в Литературном институте им. А. М. Горького.

За заслуги в развитии советской литературы награжден орденом «Знак Почета».

РОДИНА

Помню я: под сенью старых вишен
В том далеком,
В том донском селе
Жили пчелы в камышовых крышах —
В каждой камышинке по пчеле...

Родина!
Простая и великая.
В давнем детстве, от беды храня,
Древними архангельскими ликами
Строго ты смотрела на меня...

А потом,
Позвав в края суровые,
Где весной не встретишь зелены,
Жизнь взвалила рельсы стопудовые
На худого, юного меня.

Я копал руду на Крайнем Севере.
Много лет я молока не пил.
Только ты, земля моя,
Не верила,
Что тебе я в чем-то изменил.

Все прошел я:
Трудные дороги,
Злой навет и горькую беду,
Чтобы снова пальцами потрогать
Пыльную в канаве лебеду.

Я опять с тобой,
Земля просторная,
Где за клином старого жнивья
Под горой стоит село Подгорное —
Родина негромкая моя;

Где висит над хатой
Месяц рыжий;
Где в прозрачной невесомой мгле
Пчелы спят под камышовой крышей —
В каждой камышинке по пчеле...

БЕРЕЗА

Звенел топор, потом пила.
Потом — последнее усилие.
Береза медленно пошла,
Нас осыпая снежной пылью.

Спилили дерево не зря, —
Над полотном, у края леса,
Тугие ветры декабря
Могли свалить его на рельсы.

Его спилили поутру,
Оно за насыпью лежало
И тихо-тихо на ветру,
Звеня сосульками, дрожало...

Зиме сто лет еще мести,
Гудеть в тайге, ломая сосны,
А нам сто раз еще пройти
Участок свой
По шпалам мерзлым.

И, как глухой сибирский лес,
Как дальний окрик паровоза,
Нам стал привычен темный срез —
Большая мертвая береза.

Пришла весна.
И, после вьюг,
С ремонтом проходя в апреле,
Мы все остановились вдруг,
Глазам испуганно не веря:

Береза старая жила,
Упрямо почки распускались.
На ветках мертвого ствола
Сережки желтые качались!..

Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить цветами
После смерти...

Еще синел в низинах лед
И ныли пальцы от мороза,
А мы смотрели,
Как цветет
Давно погибшая береза.

* * *

Полынный берег, мостик шаткий.
Песок холодный и сухой.
И вьются ласточки-касатки
Над покосившейся стрехой.

Россия... Выжженная болью
В моей простреленной груди.
Твоих плетней сырые колья
Весной пытаются цвести.

И я такой же — гнутый, битый,
Прошедший много горьких вех,
Твоей изрубленной ракиты
Упрямо выживший побег.

* * *

Г. Красухину

Горят сырые листья,
И вьется горький дым.
В саду, пустом и мгlistом,
Он кажется седым.

В молчанье нелюдимом
Я думаю о дне,
Когда растаю дымом
В холодной тишине.

Листок заледенелый
Качается, шурша...
Уже почти сгорела,
Обуглилась душа.

Не будет продолженья
В растаявшем дыму.
И нету утешенья
Раздумью моему.

* * *

О, жизнь! Я все тебе прощаю.
И давний голод в недород,
И что увлек меня, вращая,
Большой войны круговорот.

Прощаю бед твоих безмерность —
Они устроены людьми.
Прощаю, как закономерность,
Измены в дружбе и в любви.

Для всех утрат, былых и близких,
Я оправданий не ищу.
Но даже горечь дней колымских
Тебе я все-таки прощу.

И только с тем, что вечно стынуть
Придется где-то без следа,
Что должен я тебя покинуть,—
Не примирюсь я никогда.

УТИНЫЕ ДВОРИКИ

Утиные Дворики — это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики — это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебеккер» в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные Дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть.

Малыш хворостиной играет у хаты.
Утиные Дворики...
Вдовья беда...
Всё мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда...

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокая мышь,
И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

* * *

О, Родина! В неярком блеске
Я взором трепетным ловлю
Твои проселки, перелески,—
Всё, что без памяти люблю:

И шорох рощи белоствольной,
И синий дым в дали пустой,
И ржавый крест над колокольной,
И низкий холмик со звездой...

Мои обиды и прощенья
Сгорят, как старое жнивье.
В тебе одной — и утешенье
И исцеление мое.

* * *

Вот и снова мне осень нужна,
Красных листьев скупое веселье,
Словно добрая стопка вина
В час тяжелого, злого похмелья.

Вот и снова готов я шагать
По хрустящим бурьянам за город,
Чтобы долго и жадно вдыхать
Этот чистый целительный холод...

Тяжелее струится вода.
Горизонт недалек и прозрачен.
И полоскою тонкого льда
Тихий берег вдали обозначен.

А вокруг ни единой души.
И обрывы от инея белы.
И в заливе дрожат камыши,
Словно в сердце вонзенные стрелы.

* * *

А. Твардовскому

Осень, опять начинается осень.
Листья плывут, чуть касаясь воды.
И за деревней на свежем покосе
Чисто и нежно желтеют скирды.

Град налетел. Налетел и растаял
Легким туманом в лесной полосе.
Жалобным криком гусятная стая
Вдруг всполошила домашних гусей.

Что-то печальное есть в этом часе.
Сосны вдали зеленей и видней.
Сколько еще остается в запасе
Этих прозрачных стремительных дней?

Солнце на миг осветило деревья,
Мостик, плотину, лозу у пруда.
Словно мое уходящее время,—
Тихо в затворе струится вода.

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рожица тонких берез.

Родина! Свет предосенний
Неомраченного дня.
Желтым потерянным сеном
Чуть золотится стерня.

Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.

Если назначена доля
Мне умереть за нее —
Пусть упаду я на поле,
В это сухое жнивье.

Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

* * *

Летели гуси за Усть-Омчуг,
На индигирские луга,
И все отчетливей и громче
Дышала сонная тайга.

И захотелось стать крылатым,
Лететь сквозь солнце и дожди,
И билось сердце под бушлатом,
Где черный номер на груди.

А гуси плыли синим миром.
Скрываясь в небе за горой.
И улыбались конвоиры,
Дымя зеленою махрой.

И словно ожил камень дикий,
И всем заметно стало вдруг,
Как с мерзлой кисточкой брусники
На камне замер бурундук.

Качалась на воде коряга,
Светило солнце с высоты.
У белых гор Бутугычага
Цвели полярные цветы...

ДОРОГА

Ю. Киселеву

Все меньше друзей
Остается на свете.
Все дальше огни,
Что когда-то зажег...
Погода напонила
Осень в Тайшете
И первый на шпалах
Колючий снежок.

Погода напонила
Слезы на веках.
Затронула в сердце
Больную струну...
Давно уж береза
На тех лесосеках
Сменила
Спаленную нами сосну.

И тонкие стебли
Пылающих маков
Под насыпью ветер
Качает в тиши.
Прогоны лежнёвок
И стены бараков
Давно уже сгнили
В таежной глуши.

Дорога, дорога...
Последние силы
Злодейка цинга
Отнимала весной.

И свежим песочком
Желтели могилы
На черных полянах
За речкой Чуной.

Зеленые склоны
Да серые скалы.
Деревья и сопки,
Куда ни взгляни.

Сухие смоленые
Черные шпалы —
Как те незабытые
Горькие дни.

Дорога, дорога
По хвойному лесу.
Холодная глина
И звонкая сталь...
Кому-то стучать
Молотком по железу.
Кому-то лететь
В забайкальскую даль.

Дорога, дорога.
Стальные колеса.
Суровая вежа
В тревожной судьбе.
Кому-то навеки
Лежать у откоса.
Кому-то всю жизнь
Вспоминать о тебе.

* * *

Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далекий туманный
Пустой материк.

А на белом песке —
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И соленые брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдаёт берега.

И обветренным
Мокрым куском янтаря

Над безбрежием черных
Дымящихся вод,
Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встает...

Только зыбкие тени
Развеянных дум.
Только горькая, стылая,
Злая вода.
Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Все осталось, как было.
И будет всегда.

Только серые камни
Лежат не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка —
Больная душа —
Замирает, кружится
И падает вниз.

СУЗДАЛЬ

С полуразрушенных валов —
Простор для сердца
И для взора
От синезвездных куполов,
От белозубых стен собора.

А вдалеке
Ильинский луг.
Дороги, пашни, огороды.
Какое таинство вокруг,
Единство вечное природы!

И эта Каменка-река,
Берез развеянное семя.
И эти в небе облака —
Непостижимые,
Как время.

И этот ветер,
Этот свист —
Как связь небес и человека.
И этот с клена
Желтый лист —
Не из десятого ли века?

* * *

Помнишь ты, Ирина, осень .
Ф Сологуб

Мелкий кустарник —
Сырая осина,
Синие ветки
В лесной полосе.
Тонкая, легкая
Сладость бензина
После заправки
На раннем шоссе.

А впереди
Догорают березы.
Черная елка,
Сосна и ольха.
Тихое солнце
Глядит на покосы,
На побелевшие
За ночь луга.

Утренний иней,
Конечно, растает.
Снова откроется
Зелень травы.
Словно опять
Ненадолго настанет
Легкое время
Беспечной любви.

Милая женщина,
Грустная птица!
Все в этой жизни —
До боли всерьез.

Сколько еще
Оно может продлиться,
Это дыхание
Желтых берез?

Сколько еще
За твоими глазами
В кружеве этой
Последней листвы
Там, впереди,
За полями, лесами —
Жизни, печали,
Дороги, любви?..

* * *

Родина! Белый туман
В черном логоу под горою...
Не позабуду, не скрою
Боли, тревоги и ран.
Но в невеселом пути,
В жизни, несущейся скоро,
Ты мне — любовь и опора,
Вечная радость в груди.
Этой тропой из села
К этой дороге чугунной
Матерью нежной и юной
Ты меня в детстве вела.
Каждой зимой и весной
Речкой, прозрачной и чистой,
Ивой, сухой, желтолистой,
Всюду ты рядом со мной.
От навесного огня
Этой заросшей канавой,
Глиной, холодной и ржавой,
Ты укрывала меня.
В годы печали и зла
Ты обо мне не забыла,
Поле мое сохранила,
Душу мою сберегла.
Все, чем живу и дышу,
Знаю, а может, не знаю, —
Только тебе доверяю,
Только тебе расскажу.

КОСТРОЖОГИ

В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры.
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.

Стужа — будто Северный полюс.
Аж трещит мороз по лесам.
Мой напарник — пленный японец,
Офицер Кумияма-сан.

Говорят, военный преступник
(Сам по-русски ни в зуб ногой!).
Кто-то даже хотел пристукнуть
На погрузке сго слегой...

Все посты мы обходим за день..
Мы, конечно, с ним не друзья.
Но с напарником надо ладить.
Нам ругаться никак нельзя.

Потому что все же — работа.
Вместе пилим одно бревно..
Закурить нам очень охота,
Но махорочки нет давно.

Табаку не достанешь в БУРе.
Хоть бы раз-другой потянуть.
А конвойный стоит и курит,
Автомат повесив на грудь.

На японца солдат косится,
Наблюдает из-под руки.
А меня, видать, не боится,
Мы случайно с ним земляки.

Да и молод я. Мне, салаге,
И семнадцати лет не дашь..
— Ты за что же попал-то в лагерь?
Неужели за шпионаж?

Что солдату сказать — не знаю.
Все равно не поймет никто.

И поэтому отвечаю
Очень коротко: — Ни за что...

— Не бреши, ни за что не сядят!
Видно, в чем-нибудь виноват... —
И солдат машинально гладит
Рукавицей желтый приклад.

А потом,
Чтоб не видел ротный,
Достает полпачки махры
И кладет на пенек в сугробе:
— На, возьми, мужик! Закури!

Я готов протянуть ладони.
Я, конечно, махорке рад.
Но пенек-то — в запретной зоне.
Не убьет ли меня солдат?

И такая бывает штука.
Может шутку сыграть с тобой.
Скажет после: «Бежал, подлюка!» —
И получит отпуск домой.

Как огреет из автомата —
И никто концов не найдет...
И смотрю я в глаза солдата.
Нет, пожалуй что, не убьет.

Три шага до пня.
Три — обратно.
Я с солдата глаз не свожу.
И с махоркой, в руке зажатой,
Тихо с просеки ухожу.

С сердца словно свалилась глыба.
Я стираю холодный пот,
Говорю солдату: «Спасибо!»
Кумияма — поклон кладет.

И уходим мы лесом хвойным,
Где белеет снег по стволам.
И махорку, что дал конвойный,
Делим бережно пополам.

КАЛИНА

На русском Севере —
Калина красная,
Края лесистые,
Края озерные.
А вот у нас в степи
Калина — разная,
И по логам растет
Калина черная.

Калина черная
На снежной замети —
Как будто пулями
Все изрешечено.
Как будто горечью
Далекой памяти
Земля отмечена,
Навек отмечена.

Окопы старые
Закрыты пашнями.
Осколки острые
Давно поржавели.
Но память полнится
Друзьями павшими,
И сны тревожные
Нас не оставили.

И сердцу видится
Доныне страшная,
Войной пробитая
Дорога торная.
И кровью алою —
Калина красная.
И горькой памятью —
Калина черная.

Калина красная
Дроздами склевана.
Калина черная
Растет — качается.
И память горькая,
Печаль суровая
Все не кончается,
Все не кончается...

* * *

Спасибо за цветы и за глаза,
За синий март —
Тревожный и прощальный,
И ничего, что этот стих —
Печальный:
Печаль, как дым,
Уходит в небеса.

Сырых деревьев неукротимый зов
С веселыми грачами и лучами...
Смотри вокруг
И не кори печали, —
Печаль не бесконечна,
Как любовь.

И пусть вдали,
На льдистом побережье,
Еще чернеют сонные леса.
Не только счастьем,
Верой и надеждой, —
Печалью тоже
Светятся глаза.

И белый лед,
И синяя вода,
И тот кустарник
За глухой дорогой
Освещены
Одной большой тревогой:
Печаль, как жизнь,
Уходит навсегда.

* * *

В. М. Раевской

Крещение. Солнце играет.
И нету беды оттого,
Что жизнь постепенно сгорает —
Такое вокруг торжество!

И елок пушистые шпильи,
И дымная прорубь во льду...

Меня в эту пору крестили
В далеком тридцатом году.

Была золотая погода,
Такой же играющий свет.
И крестною матерью — тетка,
Девчонка пятнадцати лет.

И жребий наметился точный
Под сенью невидимых крыл —
Святой Анатолий Восточный
Изгнанник и мученик был.

Далекий заоблачный житель,
Со мной разделивший тропу,
Таинственный ангел-хранитель,
Спасибо тебе за судьбу!

За годы терзаний и болей
Не раз я себя хоронил...
Спасибо тебе, Анатолий, —
Ты вправду меня сохранил.

СТИХИ ИРИНЕ

Жизнь прекрасна и коротка,
И тепла, как твоя рука...

О, видения детских лет,
Где казалось, что смерти нет!..

Нынче сосны гудят в бору —
Все о том, что и я умру.

Сколько лет нам дано судьбой?
Что оставим мы здесь с тобой?

Сын останется — кровь моя.
Стих останется — боль моя.

Будет ветер у трех дорог
Разметать золотистый стог.

И тростиночка камыша
Будет петь, как моя душа.

И на ветке блеснет роса,
Как живая твоя слеза.

БУРУНДУК

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Колыма-река,
На склоненной к воде лесине
Мы поймали бурундука.

По откосу скрепер проехал
И валежник ковшом растряс,
И посыпались вниз орехи,
Те, что на зиму он запас.

А зверек заметался, бедный,
По коряжинам у реки.
Видно, думал:
«Убьют, наверно,
Эти грубые мужики».

— Чем зимой-то будешь кормиться?
Ишь ты,
Рыжий какой шустряк!..—
Кто-то взял зверька в рукавицу
И под вечер принес в барак.

Тосковал он сперва немножко.
По родимой тайге тужил.
Мы прозвали зверька Тимошкой,
Так в бараке у нас и жил.

А нарядчик, чудака-детина,
Хохотал, увидав зверька:
— Надо номер ему на спину.
Он ведь тоже у нас — зека!..

Каждый сытым давненько не был,
Но до самых теплых деньков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казенных своих пайков.

А весной, повздыхав о доле,
На делянке под птичий щелк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

* * *

Жизнь! Нечаянная радость.
Счастье, выпавшее мне.
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне.

И война, и лютый голод.
И тайга — сибирский бор.
И колючий, жгучий холод
Ледяных гранитных гор.

Всяко было, трудно было
На земле твоих дорог.
Было так, что уходила
И сама ты из-под ног.

Как бы ни было тревожно,
Говорил себе: держись!
Ведь иначе невозможно,
Потому что это — жизнь.

Все приму, что мчится мимо
По дорогам бытия...
Жаль, что ты неповторима,
Жизнь прекрасная моя.

КОЛЫМСКАЯ ПЕСНЯ

Я поеду один
К тем заснеженным скалам,
Где когда-то давно
Под конвоем ходил.
Я поеду один,
Чтоб ты снова меня не искала,
На реку Колыму
Я поеду один.

Я поеду туда
Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом,
Не в стальных кандалах.
Я туда полечу,
Словно лебедь в алмазной короне,—
На сверкающем «ТУ»
В золотых облаках.

Четверть века прошло,
А природа всё та же —
Полутемный распадок
За сопкой кривой.
Лишь чего-то слегка
Не хватает в знакомом пейзаже —
Это там, на горе,
Не стоит часовой.

Я увижу рудник
За истлевшим бараком,
Где привольно растет
Голубая лоза.
И душа, как тогда,
Переполнится болью и мраком,
И с небес упадет —
Как дождинка — слеза.

Я поеду туда
Не в тюремном вагоне,
И не в трюме глухом,
Не в стальных кандалах.
Я туда полечу,
Словно лебедь в алмазной короне,—
На сверкающем «ТУ»
В золотых облаках.

* * *

Б. Окуджаве

Черный ворон, белый снег.
Наша русская картина.
И горит в снегу рябина
Ярче прочих дальних вех.

Черный ельник, белый дым.
Наша русская тревога.
И звенит, звенит дорога
Над безмолвием седым.

Черный ворон, белый снег.
Белый сон на снежной трассе.
Рождество. Работать — грех.
Но стихи — работа разве?

Не работа — боль души.
Наше русское смятенье.
Очарованное пенье —
Словно ветром — в камыши.

Словно в жизни только смех,
Только яркая рябина,
Только вечная картина:
Черный ворон, белый снег.

ПОРУЧИК РОДИОНОВ

Сто лет горит лампада
Над каменной плитой.
И светится иконка
Оправой золотой.

Поручик Родионов
Лежит в чужой земле.
Над ним горит лампада
В соборной полумгле.

Поручик Родионов
Со знаменем в руке
Погиб когда-то в этом
Болгарском городке.

Когда входили в город
Под знаменем полка,
Какой-то шалый турок
Ударил с чердака.

Английская винтовка,
Проверенный прицел.
Упал на мостовую
Красавец офицер...

Поручик Родионов
Лежит в чужой земле.
Над ним горит лампада
В соборной полумгле.

Балканскую сиренью
Окутан древний храм.
И соловей балканский
Поет по вечерам.

Скользят лучи косые
По каменной стене...
А что теперь в России,
В родимой стороне?

На родине, в России,
Просторно и светло.
Фамильный склеп сломали,
И мрамор — на метро.

А здесь горит лампада
Вторую сотню лет,
Как той далекой жизни
Непозабытый след.

Поручик Родионов,
Вы слышите меня?
Мы по семье Раевских
Далекая родня.

Мы все родные люди,
Сыны одной страны,
Огни любви и скорби
Нам далеко видны.

Огни людской печали,
Огни бывшего дня —
От маленькой лампы
До Вечного огня.

РАЗДУМЬЕ

Во время шуковских погромов в Воронеже
семья Раевских прятала в своем доме еврей-
ских детей. Одевали им на шею крестики:
крещеных бандиты не трогали.

*Из рассказа моей матери
Е. М. Раевской*

Отдам еврею крест нательный,
Спасу его от злых людей...
Я сам в печали беспредельной
Такой же бедный иудей.

Судьбою с детства не лелеем
За неизвестные грехи,
Я мог бы вправду быть евреем,
Я мог бы так писать стихи:

По дорогой моей равнине,
Рукой качая лебеду,
С мечтой о дальней Палестине
Тропой российской иду.

Иду один, как в поле ветер.
Моих друзей давно уж нет.
А жизнь прошла,
И не заметил.
Остался только тихий свет.

Холодный свет от белой рощи
И дальний синий полумрак...
А жить-то надо было проще,
Совсем не так, совсем не так...

Но эту горестную память
И эту старую повесть
Нельзя забыть, нельзя оставить,
Осталось только умереть.

А в роще слышится осина.
А в небе светится звезда...
Прости, родная Палестина.
Я не приеду никогда.

* * *

Перепелка над пшеничным полем
И вечерний предзакатный лес.
Словно звон далеких колоколен
Тихо разливается окрест.

Тихий звон. неведомо откуда...
На плохую жизнь не сетуй, друг.
Все равно она большое чудо.
Лишь бы свет небесный не потух.

Лишь бы в нашей пасмурной России
Было все, как в лучшие года.
Чтобы жиди, сеяли-косили.
Чтоб не голодали никогда.

Чтобы травы были зеленее,
Чтобы больше было тишины.
Чтобы власти были поумнее,
Чтобы вовсе не было войны...

Я своей судьбой вполне доволен.
Я люблю такие вечера.
Перепелка над пшеничным полем
Тихо призывает:
Спать пора.

* * *

Продли, Всевышний, дни моей Ирины.
Без глаз ее душа моя пуста.
Я без нее — как елка без вершины.
Я без нее — как церковь без креста!

* * *

Обложили, как волка, флажками,
И загнали в холодный овраг.
И зари желтоватое пламя
Отразилось на черных стволах.

Я, конечно, совсем не беспечен.
Жалко жизни и песни в былом.

Но удел мой прекрасен и вечен —
Все равно я пойду напролом.

Вон и егерь застыл в карауле.
Вот и горечь последних минут.
Что мне пули? Обычные пули.
Эти пули меня не убьют.

БЕЛОГОРЬЕ

Белогорье. Горы белые.
В этих радостных местах
Бились красные и белые
Не за долю, не за страх.

За единую, великую,
За счастливую страну —
Шли к Якиру и к Деникину
На кровавую войну.

И враждебными колоннами
В пору горестных утрат
Шли под разными знаменами
Старший брат и младший брат.

И в любви к родному краю
В том убийственном бою
Каждый думал: умираю
Я за Родину свою...

Возле хутора придонного
И сейчас закат багров.
Пулеметчики Буденного
Там косили юнкеров...

И осталась память ясная
О далеком, но живом.
И рябина ярко-красная
На обрыве меловом.

У БОЛЬНИЧНОГО ОКНА

Ирине

Видна труба заброшенной котельной,
И вьется лист — в подобие стрижу.
И из окна палаты неотдельной
Я каждый вечер все на них гляжу.

Ах, солнце, солнце! Свет моей надежды.
Ах, Ира, Ира! Свет моей души.
Я каждый вечер опускаю вежды
И говорю: живи, мой друг, дыши.

Мои часы — из солнца и трубы.
Мой календарь — из ветра и березы.
Моя любовь, конечно, из судьбы.
Но там — все слезы,
слезы, слезы, слезы...

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Дворянский род Раевских, герба Лебедь, выехал из Польши на Московскую службу в 1526 г. в лице Ивана Степановича Раевского. Раевские служили воеводами, стольниками, генералами, офицерами-добровольцами в балканских странах, боровшихся против османского ига.

По энц. сл. Брокгауза и Ефрона, т. 51.

Ян Стефанович Раевский,
Дальний-дальний пращур мой!
Почему кружится лебедь
Над моею головой?

Ваша дерзость, Ваша ревность,
Ваша ненависть к врагам.
Древний род!
Какая древность —
Близится к пяти векам!

Стольники и воеводы...
Генерал...
И декабрист.
У него в лихие годы —
Путь и страшен, и тернист.

Генерал — герой Монмартра
И герой Бородина.
Декабристу вышла карта
Холодна и ледяна.

Только стуже не завясть
Гордый путь его прямой.
Кружит, кружит белый лебедь
Над иркутскою тайгой.

Даль холодная сияет.
Облака — как серебро.
Кружит лебедь и роняет
Золотистое перо.

Трубы грозные трубили
На закат и на восход.
Всех Раевских перебили,
И пресекался древний род —

На равнине югославской,
Под Ельцом и под Москвой —
На германской,
На гражданской,
На последней мировой.

Но сложилось веками:
Коль уж нет в роду мужчин,
Принимает герб и знамя
Ваших дочек
Старший сын.

Но не хочет всех лелеять
Век двадцатый, век другой.
И опять кружится лебедь
Над иркутскою тайгой.

И легко мне с болью резкой
Было жить в судьбе земной.
Я по матери — Раевский.
Этот лебедь — надо мной.

Даль холодная сияет.
Облака — как серебро.
Кружит лебедь и роняет
Золотистое перо.

СОДЕРЖАНИЕ

Родина	3
Береза	4
«Полынный берег, мостик шаткий...»	5
«Горят сырые листья...»	5
«О, жизнь! Я все тебе прощаю...»	6
Утиные Дворики	6
«О, Родина! В неярком блеске...»	7
«Вот и снова мне осень нужна...»	7
«Осень, опять начинается осень...»	8
«Тихое поле над логом...»	8
«Летели гуси за Усть-Омчуг...»	9
Дорога	10
«Соловецкая чайка всегда голодна...»	11
Суздаль	12
«Мелкий кустарник — сырая осина...»	13
«Родина! Белый туман...»	14
Кострожоги	15
Калина	17
«Спасибо за цветы и за глаза...»	18
«Крещение. Солнце играет...»	18
Стихи Ирине	19
Бурундук	20
«Жизнь! Нечаянная радость...»	21
Колымская песня	21
«Черный ворон, белый снег...»	22
Поручик Родионов	23
Раздумье	25

«Перепелка над пшеничным полем...»	26
«Продли, Всевышний, дни моей Ирины...»	26
«Обложили, как волка, флажками...»	26
Белогорье	27
У больничного окна	28
Белый лебедь	28

Анатолий Владимирович ЖИГУЛИН

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Стихи

Редактор М. М. Ж и г а л о в а

Технический редактор Т. Е. А в д е е в а

Сдано в набор 01.02.88. Подписано к печати 18.03.88. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Учетно-изд. л. 1,50. Тираж 150000 экз. Зак. № 1959. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.